

Они были первыми

К. А. Рожнова,
член архитектурной секции
ЦС ВООПИиК

ИСТОКИ

Все дальше уходят годы, когда создавалось общество охраны памятников, поэтому необходимо вспомнить, что предшествовало его созданию, каковы причины, побудившие и породившие это общественное движение.

50-е гг. были крайне неблагоприятными для памятников культуры вообще, а для ряда городов и областей — трагическими.

Культурное наследие разрушалось под воздействием как объективных причин, так и субъективных действий. В областях, где прошла война 1941—1945 гг., погибло около 3 тысяч памятников архитектуры, целые города были сметены войной. В то же время и в тылу, где народ трудился с величайшим напряжением сил, отдавая все материальные накопления страны фронту, памятники архитектуры тоже «трудились»: использовались в промышленных и хозяйственных целях, работали «на износ». Пострадали при этом использовании церковные здания, особенно сохранившие росписи на их стенах и сводах, так как живопись погибала от сырости.

За эти годы было распахано немало археологических памятников под угодыя.

В разное время и по разным причинам памятники попадают под угрозу разрушения, но необходимо помнить, что памятник беззащитен, каким бы ценным он ни был. Только человек может защитить его от любого варварства.

К сожалению, и в послевоенные годы состояние памятников продолжало ухудшаться. Для того чтобы задержать дальнейшее разрушение и обветшание памятников, не хватало средств, материалов, специалистов-реставраторов, а главное — бережного отношения к наследию в целом.

Называя эти объективные причины, нельзя умолчать о других, не материального порядка, существовавших в предвоенные годы и нанесших тяжелый урон отечественной культуре, последствия которых не были своевременно поняты.

В 30-е гг. процветало нигилистическое отношение к историческому наследию как к «старому», отжившему; особенно усердствовали нигилисты в отношении церковной архитектуры, ратуя за ее снос под предлогом ан-

тирелигиозной борьбы, и если в городах эти разрушения как-то оправдывались градостроительными нуждами, то в провинциальных городах и тем более в селах оправдать их было нечем. Отрицательную роль в этом сыграли отдельные ведущие специалисты-архитекторы и руководители местных исполкомов, стоявшие на антиисторических, вульгаризаторских позициях в отношении древней застройки городов, якобы «мешающей» строительству нового; памятники архитектуры называли «старым хламом», снос которого оправдывался необходимостью «расчистки» площадок для строительства школ, клубов и т. д. В эти же годы в архитектурном образовании отсутствовали исторические науки или они преподносились с вульгаризаторских позиций, т. е. насаждался антиисторизм в отношении к культурному наследию. Недавно В. Кожин в статье «Уроки истории» (журнал «Москва», 1986, № 1) осветил более глубоко причины и влияние антиисторизма на культуру.

Кожин также называет важные организации, противостоявшие нигилизму, которые были созданы в 1918—1920 гг.: Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Центральные государственные реставрационные мастерские, Российская Академия истории материальной культуры, Центральное бюро краеведения, объединявшее более 260 превосходных музеев.

В 30-е гг. перед Великой Отечественной войной начала распадаться эта созданная в 20-е гг. при жизни В. И. Ленина система охраны памятников; были упразднены головные научные и реставрационные организации и все дело охраны памятников передано местным властям, не владевшим необходимыми научными знаниями.

Вслед за этим пострадала система краеведческих обществ, особенно на местах, где краеведы были единственной культурной силой. (До 1936 г. Центральное бюро краеведения возглавляла Н. К. Крупская, крупнейший организатор этого дела.)

В 30-е гг., когда начало развиваться новое строительство в городах, тогда же начали разрабатываться первые генеральные планы, по которым осуществлялись достаточно серьезные мероприятия по реконструкции. Однако в силу изложенных выше обстоятельств начался

повсеместный снос древних зданий под предлогом ненужного отжившего буржуазного «хлама», главным образом сносили центральные ансамбли в таких городах, как Вятка (Киров), Кострома, Нижний Новгород, Пенза, Архангельск, Елец, Ставрополь, Ростов-на-Дону, Калуга, Тула, Иваново. Когда подбежашь ныне к этим городам, то видишь, что город «обезглавлен», лишен высотных доминант — соборов на горе или на высоком берегу рек.

И в первую очередь пострадала Москва. Были снесены 400 памятников архитектуры, среди которых исторические реликвии — храм Христа Спасителя, возведенный в честь победы 1812 г., и др.

В. Кожин в упомянутой статье перечисляет церкви — национальные святыни, уничтоженные после 1924 г. в Московском Кремле: церковь Константина и Елены (1470), храм Спаса на Бору (1330), построенный Иваном

ные специалисты, так как таланты стали исчезать с московских горизонтов... Гигантомания и ложный «монументализм» в искусстве, как известно, не требуют особого таланта. Нельзя сказать, что не было попыток противостоять этим явлениям, однако никакие протесты видных деятелей культуры и науки не принимались во внимание. Необходимо привести дискуссию в газетах за 1958—1961 гг., когда против строительства многоэтажной гостиницы в древнейшем районе Зарядье выступили видные деятели культуры, корифеи искусства, среди них президент Академии художеств скульптор Е. Белашова, академик Б. Рыбаков, народные художники С. Герасимов, С. Чуйков, Кукрыникин, лауреат Ленинской премии С. Коненков, доктор архитектуры П. Ревякин, профессор архитектуры Н. Виноградов, доктор исторических наук П. Сытин, член-корреспондент Академии архитектуры Г. Людвиг и еще 10 видных художников и реставраторов.

Они писали (в письме) в редакцию газеты «Советская культура» от 3.10.61 г. № 117: «Выдвигается оправдание, что нужно как-то «спасти» средства, потраченные на закладку фундамента высотного здания. Но удается ли это? Нет. Здание в основном размещается не на старом фундаменте. Как выглядел бы район Кремля и Зарядье после того, как гостиница была бы построена? Огромный массив нового здания придавил бы все окружающее и уничтожил прекрасную панораму набережной Москвы-реки. Он разрушил бы масштабы Красной площади и Мавзолея, гениально вписанного в нее Щусевым. Не принимать во внимание своеобразный холмистый ландшафт набережной, исторически сложившийся ансамбль Кремля и Красной площади, уничтожать археологический заповедник Зарядье — восьмивековую летопись Москвы — архитектурная безграмотность, граничащая с преступлением...»

А несколько раньше в «Литературной газете» от 3.04.58 деятели культуры во главе с академиком И. Грабарем предлагали создать в Зарядье парк и сохранить все памятники архитектуры и археологии.

Ответом на эти призывы было ускорение строительства гостиницы («Россия»). Слишком велика потеря, чтобы не возвратиться к ним. Ведь всего на 2% территории строительства, буквально из-под ковшей бульдозеров найдено 100 тысяч археологических находок, в том числе водопровод XVI в. в Китай-городе!

После постройки гостиницы раздавались голоса: «пройдет время — привыкнут». Так могут говорить только люди, лишенные историзма и образного восприятия древнего ландшафта Кремля.

Как объяснить молодым, что есть у народа святые места и святые чувства?

Такой жесткий подход проектировщиков к исторической застройке продолжался и в послевоенные годы, вплоть до 1966 г., когда общественность добилась законодательного права (для Центрального совета Общества охраны памятников) не согласовывать строительство, нарушающее интересы памятников. Сам факт создания в РСФСР Общества охраны памятников стал преградой на пути разбушевавшегося «воинственного нигилизма» — сотни памятников и десятки городов удалось

1966 год.

Учредительный съезд Общества. Город Москва.

Калитой, Чудов монастырь с собором Чуда Михаила (1365), созданный при Дмитрии Донском, Вознесенский монастырь с собором Вознесения (1386), воздвигнутый по воле жены Дмитрия в память Куликовской битвы. (В скобках даны даты основания памятников — К. Р.) «Уничтожение именно этих памятников укоротило историю Московского Кремля на полтора столетия, ибо древнейший из уцелевших соборов, Успенский, был построен в 1479 году». Кроме того, снесены церковь Покрова XVII в., Красные ворота — шедевр русского барокко, Казанский собор 1630 г. на Никольской улице (ул. 25 лет Октября), крепостные стены и башни Китай-города, Страстной монастырь на пл. Пушкина. В Москве явно прослеживалась тенденция «омолодить» город не за счет малоценного фонда, а за счет шедевров архитектуры.

Так и при передвижке зданий исторически ценные задвигались, на их место вставляли малоценные в архитектурном плане. Передвижку в переулок Садовских казаковского здания (Глазная больница) нельзя оправдать ничем, кроме неуважения к великому зодчему Москвы. Все сносы зданий, без исключения, оправдывались необходимостью расширения транспортных магистралей и «расчисткой площадок под новое строительство».

Как показал дальнейший анализ, ни один из этих аргументов не выдержал проверки: во всех случаях можно было найти разумный вариант с сохранением памятников.

Одна из многих причин порочной реконструкции городов — отставание в области изучения древнего градостроительства в 30—40-е гг. Так, «труды» Института градостроительства искаженно представляли развитие русского градостроительства, утверждая, что города возникали стихийно, «хаотически». С этого времени архитекторы-проектировщики стали монополистами в решении судьбы городов, а решали ее чаще всего посредствен-

спасти от варварской реконструкции в первые годы деятельности Общества.

Все эти причины, а также свернутое в предвоенные годы издание научной и популярной литературы о культурном наследии, привели к отсутствию знаний у широких слоев населения об окружающей их исторической среде и памятниках, породили безразличие к их судьбе.

В этой тревожной обстановке в 50-е гг. в творческих союзах художников, писателей, журналистов, архитекторов стали активно работать комиссии по охране памятников культуры. Однако они были малочисленны и не имели реальных прав.

Тем не менее благодаря настойчивости и инициативе МОСХа (Московской организации Союза художников) первое собрание московской общественности, на котором присутствовало более 100 человек — ученые, художники, архитекторы-реставраторы, работники музеев, а также представители государственных органов охраны памятников, было проведено в Союзе художников в 1958 г. Художники, наиболее чуткие к потерям в природе и культурном наследии, первые забили тревогу. К ним присоединились отдельные писатели и журналисты; появились поистине «набатные» статьи.

Выступившие на собрании у художников доктора наук Н. Н. Воронин, Б. П. Михайлов, М. В. Алпатов, художники А. А. Коробов, С. С. Чехов, реставратор П. Д. Барановский, искусствовед Н. А. Демина, главный хранитель музея ИЗО А. А. Губер и другие характеризовали бедственное положение в деле охраны памятников, стоящих на государственной охране: закрывались музеи, упразднили сторожевую охрану (сократили около 3 тысяч сторожей), местные власти выносили решения не только о снятии с охраны, но и уничтожении сотен памятников деревянного зодчества (в Архангельской области, в Карелии); тяжелое положение сложилось с кадрами; не хватало средств на текущий ремонт памятников и т. п.

Собрание общественности вынесло единодушное решение о необходимости создания в РСФСР добровольного общества. К сожалению, вопрос об Обществе не был решен еще в течение семи лет. В 1960 г. была создана Комиссия по памятникам и музеям в Советском комитете защиты мира; в Комиссию вошли крупнейшие ученые, писатели, художники, деятели культуры.

Эта Комиссия в течение 5 лет систематически и целенаправленно работала над проблемой улучшения дела охраны памятников; неоднократно входила с предложениями об усиленной государственной охране как в правительство, так и в Верховный Совет, обращалась через руководство Советского комитета защиты мира в ЦК КПСС с обоснованными предложениями о создании добровольных обществ охраны памятников в республиках, об издании Декрета и Закона об охране памятников и об издании массового журнала для просвещения широких слоев населения. Доктор исторических наук Н. Н. Воронин выпустил брошюру «Любите и сохраняйте памятники культуры» — единственное печатное пособие в эти годы в помощь изучающим памятники.

Постоянную поддержку Комиссии оказы-

вало руководство Советского комитета защиты мира — поэт Н. С. Тихонов, М. И. Котов, В. Д. Захарченко. Неоднократно комиссия выступала в дискуссиях по вопросам градостроительства, отстаивая исторические позиции в отношении сохранения культурного наследия (особенно архитектуры в древних городах), опираясь при этом на научные положения о непреходящей ценности памятников культуры. Одна из дискуссий в Доме архитекторов так и не закончилась, так как представитель «Генплана» (Н. Евстратов) позорно бежал с «поля боя» не в состоянии что-либо противопоставить научным аргументам выступавшего от Комиссии СКЗМ профессора П. П. Ревякина. Тема дискуссии была — сочетание старого и нового в градостроительстве.

Неоценимую помощь в создании добровольного Общества оказали члены Комиссии по культурным связям, памятникам культуры и музеям СКЗМ: академики М. Н. Тихомиров,

1970 год.

II съезд Общества. Город Ленинград.

И. Г. Петровский, М. Д. Миллионщиков, М. В. Нечкина, Б. Н. Рыбаков, М. В. Алпатов, В. М. Хвостов, доктора наук Б. П. Михайлов, Н. Н. Воронин, А. В. Арцыховский, И. С. Смирнов, П. П. Ревякин, народные художники П. Д. Корин, А. А. Плавтов, С. В. Герасимов, С. Т. Коенков, скульптор В. А. Павлов (председатель комиссии по памятникам и музеям СКЗМ), писатели Л. М. Леонов, С. С. Смирнов, И. А. Белоконов, С. В. Михалков, В. А. Солоухин.

Вокруг этих общественных комиссий образовался большой актив, в том числе и на периферии, что давало ценную информацию о положении с памятниками на местах и позволяло быстро оказывать им необходимую помощь. Были спасены 110 деревянных часовен Карелии, предназначенных к сносу. Крупные деятели науки и культуры выступали в печати в защиту памятников, однако газеты и журналы неохотно предоставляли свои страницы для критики, так как часто получали незаслуженно суровые отповеди и санкции.

Здесь необходимо остановить внимание читателя на отдельных именах деятелей науки и культуры, каждый из которых в своей области был неоспоримым авторитетом.

Ректор МГУ академик Иван Георгиевич Петровский глубоко переживал сложившееся в 60-е гг. тяжелое положение в деле сохранения культурного наследия.

В МГУ им. Ломоносова он поощрял студенческое движение в защиту памятников, в частности, студенты выезжали в Подмосковье, где спасли от полного разрушения мемориальные усадьбы (Новикова и др.). Первый реставрационный отряд был создан из студентов МГУ и систематически каждое лето выезжал на остров Соловки для проведения аварийных работ по памятникам. Иван Георгиевич в 1960—1965 гг. неоднократно «зондировал почву» (бывая по своим научным делам в ЦК КПСС) о возможности создания добро-

вольного Общества охраны памятников и всякий раз получал ответ: не время...

Своими размышлениями он делился с членами Комиссии СКЗМ: как еще предпринять усилия; сам привлекал профессоров МГУ к активной деятельности в пользу памятников, поддерживал научные поиски и работы в изучении культурного наследия.

В 1965 г., став членом Оргкомитета по созданию Общества, он оказал неоценимую помощь своим авторитетом и живым участием в делах будущего Общества.

В трудное время такую же моральную поддержку делу охраны памятников оказали академики Тихомиров, Миллионщиков, Нечкина, Милиц и Дружинин.

Постоянную научную и моральную поддержку активисты Общества получают по сей день у академика Б. А. Рыбакова.

В Комиссии по памятникам и музеям СКЗМ был одним из активнейших ее членов

сти, испугавшись последствий и хлопот по ремонту собора, решили взорвать монастырь. Вот тогда срочно выехали в Боровск Тьдман, Коробов, Антропов и художник-фотограф Розов с полномочиями от Министерства культуры остановить варварский акт взрыва. Выдержав ожесточенное сопротивление местных властей, это им удалось. Авторитет старого большевика Тьдмана, конечно, сыграл свою положительную роль.

Владислав Петрович был одним из организаторов и наставников молодежного клуба «Родина», базой которого стало Крутицкое подворье, где в 1965 г. под руководством крупнейшего реставратора страны П. Д. Барановского шла беспримерная, самоотверженная работа по разборке завалов и начались реставрационные работы.

Об этой интереснейшей странице жизни памятника рассказал в журнале «Москва» журналист Иван Андреевич Белоконов в статье «Крутицы». Иван Андреевич являлся членом Комиссии по памятникам и музеям Советского комитета защиты мира.

Клубом «Родина» в 1965 г. был организован незабываемый вечер, куда были приглашены наши корифеи науки и культуры. Особенностью программы (которая готовилась студентами МХТИ и МГУ) было то, что впервые гласно и широко были показаны все виды памятников, в том числе и культовые: (старинные карты, планы Руси и Московии), подлинные рукописные книги, иконы, прикладное искусство, в основном — Север, множество прекрасных фотографий памятников — Киж, Ферапонтов, ленинградские дворцы (сгоревшие в процессе реставрации), Архангельск и Ломоносово, шедевры Подмосковья и Москвы.

Кроме того, впервые были продемонстрированы подлинные женские костюмы XVII — XVIII вв., сохраненные Н. А. Деминой, что вызвало бурю аплодисментов.

Затем студенты привезли из Архангельска подлинные пряничные доски, испекли по старинным рецептам пряники и сами их распасали. Изготовили горячий сбитень и угощали всех.

У старшего поколения стояли слезы в глазах, впервые они вздохнули, увидев, сколько труда и любви вложили молодые, что есть кому передать заботу о памятниках. На вечере были Н. Н. Воронин, В. П. Тьдман, В. А. Соколов, М. Ю. и П. Д. Барановские, И. С. Глазунов.

Конечно, не только насыщенная «художественная часть» вечера произвела на всех неизгладимое впечатление, а главное — выступления ученых, писателей, реставраторов, художников, комсомольских работников, деятелей охраны памятников.

Сам дух происходящего события — вечера, устроенного клубом «Родина», — говорил о том, что наступают новые времена — общественность берет в свои руки дело сохранения культурного наследия.

Но бюрократизм и недоверие к общественности еще прочно «сидели» в стенах министерств и ведомств.

Приведу интересный эпизод, из которого видно, сколько времени и терпения требовалось специалистам, чтобы добиться конкретных дел.

1977 год.

III съезд Общества. Город Суздаль.

большой знаток Москвы и Ленинграда старый большевик Вячеслав Петрович Тьдман. Неумолимый «следопыт», он знал множество памятников, особенно историко-революционных (в 50—60-х гг. их выявлением еще не занимались); Владислав Петрович вел дневник состояния и потерь памятников, выступал буквально на всех собраниях с горячей защитой каждого памятника Москвы, невзирая на лица и крайне неблагоприятную обстановку для общественной критики.

Он особенно ожесточенно сражался с московскими «горе-проектировщиками», разрушавшими Зарядье под строительство гостиницы.

В Доме архитекторов был такой эпизод, когда разделились на два непримиримых лагеря сторонники и противники строительства в Китай-городе рядом с Кремлем. После горячей речи Тьдмана в защиту исторической Москвы выступил «ученый» секретарь Г. Дукельский, который назвал его «фанатиком» и «адвентистом 7-го дня», чем возмутил весь зал, так как многие знали, что Владислав Петрович — участник Октябрьской революции, взятия Зимнего дворца и имел мандат с подписью В. И. Ленина. Но Владислав Петрович на такие выпады знал что ответить и не оставался в долгу. Тем не менее такие оскорбительные выпады легко сходили с рук прежнему руководству ГлавАПУ.

Но нынешнее поколение 80-х гг. должно знать, что у В. П. Тьдмана немало заслуг перед русской культурой, одна из важнейших — это спасение от уничтожения Пафнутьев-Боровского монастыря — памятника архитектуры XVI в. — форпоста Москвы на южном направлении под Калугой. В середине 60-х гг. члены Комиссии срочно выехали в Боровск. Выезд был вызван тем, что телеграмма из Калуги от общественности сообщила о том, что обвалился свод и «придавил» сельхозтехнику, стоявшую на ремонте в храме. Местные вла-

В 1965 г. срочно возникла необходимость встречи с министром культуры Е. А. Фурцевой для решения сверхсложных вопросов охраны памятников. Поскольку член Комиссии СКЗМ искусствовед В. Десятников работал в Министерстве культуры, он взялся организовать встречу. В 9.00 часов утра к кабинету министра пришли наши ученые — Н. Н. Воронин, П. П. Ревякин, поэт В. А. Солоухин, художники А. А. Коробов, И. С. Глазунов, Е. Н. Мальцев (из Ленинграда), я — как секретарь Комиссии и Десятников. Просили мы принять нас на 5—10 минут. Нам предлагали встретиться с любым заместителем, но они не решили бы наши вопросы. В течение шести часов «амортизационная подушка» Министерства работала с большим напряжением; пытаюсь не допустить общественность к министру культуры. Прошло шесть часов. Так комиссия во главе с Н. Н. Ворониным и не приняла, сославшись на полную занятость министра. Однако мы не ушли совсем, а расположились живописной группой за пределами приемной на лестнице. Дело заключалось в том, что в Петергофе, на оси главного фонтана «Самсон», вновь начали отмененное ранее строительство ресторана и художник Е. Мальцев (председатель ленинградской Комиссии СХ по памятникам) прилетел за помощью; во-вторых, вот уже год как научно-методический совет по памятникам работал без председателя; и в-третьих, шел 1965 г., и общественность волновал вопрос, когда же будет создано добровольное Общество в РСФСР.

В 16 часов, спустя 7 часов, на лестничной площадке показалась Екатерина Алексеевна и от удивления воскликнула: «Как, вы еще здесь?!» Быстро поздоровавшись со всеми, сказала: «Я слушаю вас». Вперед выступил мемуарист Н. Н. Воронин и изложил все три вопроса. Мальцев подтвердил, что строители пришли в Петергоф. В три минуты были решены три вопроса; по Ленинграду обещан звонок в обком партии (причем Е. А. Фурцева возмутилась вновь начатому строительству, которое было по обоюдному согласию с Ленгорисполкомом отменено); по назначению председателя Методсовета — немедленное решение; по созданию Общества — еще раз поставить вопрос в ЦК КПСС. В заключение В. Солоухин сказал: «Екатерина Алексеевна, когда же, наконец, будут слушать общественность, ведь все «уходит в песок!»»

* * *

Постановлением от 23 июля 1965 года Совет Министров РСФСР учредил Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры и образовал организационный комитет по подготовке и проведению Учредительного съезда. В нее вошли представители творческой интеллигенции, культурных и общественных организаций, партийных и советских органов.

Учредительный съезд состоялся в начале мая 1966 года в г. Москве. Он принял Устав Общества, наметил ближайшие задачи, избрал Центральный совет и центральную ревизионную комиссию.

Выступая на Учредительном съезде по созданию Общества, заместитель председателя Оргкомитета, лауреат Ленинской премии Н. Н. Воронин говорил:

— Наш Учредительный съезд имеет боль-

шое историческое значение, так как он ликвидирует еще на одном участке отступление от ленинских норм¹.

Ленинская система охраны памятников истории и культуры, или искусства и старины, как называли раньше, состояла из 4 звеньев.

1-е звено — это очень авторитетный небольшой орган охраны, где на общественных началах работали крупнейшие ученые — Марр, Орбели и многие другие. Но самое главное, что за этим маленьким участком культурного фронта, за деятельностью этого органа следил сам В. И. Ленин. Он интересовался даже частными вопросами в деятельности этого органа. И непосредственно всегда руководил этой работой, наблюдал за ней и помогал А. В. Луначарский — крупнейший ученый, публицист, выдающийся деятель нашей партии.

2-е звено — юридическое: охрана памятников была подкреплена всей строгостью революционных законов.

1982 год.

IV съезд Общества. Город Новгород.

3-е звено — это наука. В тягчайшем 1919 г. В. И. Ленин нашел возможным организовать крупнейшее научное учреждение — Академию истории материальной культуры, где были сконцентрированы самые видные научные силы, и этому органу были поручены изучение и научная охрана памятников культуры. Наука была в основе популяризации и пропаганды памятников. В одном из ленинских декретов записано, что задачей охраны памятников является возможно более полное ознакомление широких масс населения Советской страны с теми сокровищами культуры, которые оказались в их руках.

4-е звено. Охрана памятников по ленинскому замыслу имела широчайшую общественную основу — это краеведческие общества и краеведческие музеи, которые в первое время с необычайной быстротой росли и множились.

Вот четыре кита, на которых зиждилась основа ленинской системы охраны памятников.

Далее Николай Николаевич сказал:

— Мне думается, что нам сегодня нужно просить правительство о создании, — как об этом уже говорилось, — специального авторитетного органа по охране памятников истории и культуры. К нему нужно присоединить и музеи. Нужно создать при Совете Министров РСФСР мощный Комитет по делам музеев, охраны памятников истории и культуры. Это необходимо потому, что памятники находятся в таком трагическом состоянии, что нужны сильные действия.

Хотелось бы также, чтоб наши законодательные органы резко усилили записанные в нашем законе санкции против нарушителей. Сейчас эти санкции смехотворно слабы, да и на практике их не применяют. Мы имели все основания принять очень строгие меры против валютчиков, против бандитов. Это сильнейшее воспитательное средство. Такие же острые санкции следует ввести в закон и в отношении

разрушителей памятников. (Аплодисменты.)

К сожалению, основными нарушителями охраны памятников являются не частные лица. Это — чиновники, представители местной власти, это промышленные предприятия и градостроительные органы.

Наша пресса должна оставить позорную формулу «читатель продолжает разговор» — о преступлениях против памятников нельзя разговаривать: нужно не слово, а дело.

Наконец, выравнивая наш фронт по ленинским принципам, мы должны вспомнить о науке. У нас нет специального института, занимающегося культурным наследием. И если все союзные республики имеют такие институты, то не ясно ли, что великий русский народ заслуживает того, чтобы в недрах и в системе Академии наук СССР был институт истории русской культуры. (Аплодисменты.)

Хочется обратить внимание присутствующих, далее сказал Н. Н. Воронин, что па-

Но это не так. Ведь тогда не было такой общественной атмосферы, какая сложилась в наши дни после XXVII съезда КПСС.

В те времена все было настолько сложным, столько было искусственно нагромождено неблизких вокруг памятников и их радателей, что трудно было даже разобраться во всем этом.

Приведу пример. На одном из первых заседаний московского оргкомитета по проведению учредительной конференции Общества охраны памятников мы, несколько членов комитета, обратили внимание заместителя председателя исполкома Моссовета Н. Сизова, что в оргкомитете не было молодежи и что хорошо бы включить в него представителей клуба «Родина». В ответ Сизов отчеканил: «У нас в Москве такого клуба нет». Тут все наперебой стали говорить, что есть, что в него входят студенты МГУ и других московских вузов, что они работают на Крутицах и на других памятниках. Однако в ответ на это Сизов еще более «железным» голосом сказал: «В Москве такого клуба нет, и разговор закончен». Воцарилось недоуменное молчание... Дело заключалось в том, что клуб был оформлен при областном комитете комсомола, а таким людям, как Сизов, не нужна была активная молодежь в Москве.

Сейчас совсем иное дело, поэтому при взгляде назад поражаешься, сколько нужно было иметь сил и терпения при создании Общества охраны памятников в условиях отсутствия демократии и гласности.

Но эти энтузиасты были первыми, а первым всегда трудно...

ПЕРВОПРОХОДЦЫ СЕКЦИЙ

Основным звеном в системе общественной работы стали секции, в которых сосредоточились исследовательская и оперативная работы; крупные ученые, специалисты-реставраторы, знатоки и любители памятников соблюдали по традиции, сложившейся в Комитете мира, принципы коллегиальности, научности и гласности. Это сплачивало людей и давало ощутимые результаты в работе по сохранению памятников.

В 1968 г. была проведена научная конференция «1000-летние корни русской культуры», подготовленная секцией пропаганды ЦС и активом Новгородской организации общества.

Доклад академика Д. С. Лихачева, раскрывший значение тысячелетней культуры, стал событием в общественно-культурной жизни и вооружил глубокими знаниями широкие круги Общества. Заслуга в выборе темы и подготовке столь представительной конференции принадлежит И. А. Белоконову, в то время заведовавшему отделом пропаганды Центрального совета, основателю знаменитых «Вторников», сыгравших неоценимую роль в вовлечении ученых, писателей, критиков в дела Общества и выработке гражданских позиций у многих деятелей культуры.

В 1969 г. секция архитектуры подготовила научную конференцию «Памятники Северо-Восточной Руси» — первого комплексного государственного маршрута, названного журналистами «Золотое кольцо». Основной доклад о всех направлениях разрабатываемого маршрута председателя секции архитектуры доктора архитектуры П. П. Ревякина вызвал большой интерес, так как конференции предшествовала

1987 год.

У съезд Общества. Город Горький.

мятники истории и культуры — это как бы материализованный архив истории наших народов. Не всякий памятник сможет участвовать в коммунистическом воспитании, есть памятники второго и третьего ранга. Но и эти памятники представляют собой большую ценность. Это — документы истории нашего народа, его архив. Этот тезис очень целесообразно подчеркнуть в Уставе нашего Общества.

Н. Н. Воронин призывал восстановить ленинские принципы охраны памятников.

* * *

Создание столь широко представительного Оргкомитета в 1965 г. сыграло огромную роль в консолидации всех сил, и работа по реальному спасению памятников началась уже в период действия Оргкомитета.

Общественность, получив законодательное право участвовать в государственном деле охраны памятников, продолжила работу по созданию Общества охраны памятников. За первый год работы были проведены сотни вечеров, собраний, лекций, выездов на места — и все делалось на высоком профессиональном уровне, увлекательно и результативно. Началась также более активная работа по реставрации памятников, так как вместе с постановлением о создании Общества вышло постановление Совета Министров РСФСР № 473 от 24 июня 1966 г. «Об охране памятников», в разработке которого тоже большое участие принимала общественность. Это было впервые за послевоенные годы, и в этом заслуга тех людей, которые самоотверженно работали в трудное для памятников время, преодолевая «завалы», отстаивая ленинское отношение к культурному наследию, как к всенародной ценности.

Вот один из примеров, раскрывающих истинное положение дел в 60-е гг.

Сейчас, в наши дни, когда быстро создаются одно за другим добровольные общества, некоторым может показаться, что так же легко создавалось Общество охраны памятников.

десятидневная экспедиция под его руководством по 22 городам, составившая 2000 км пути вокруг Москвы. В этой экспедиции участвовали историки, археологи, архитекторы, художники, писатели, музейные работники.

Конференция в Ярославле привлекла к себе большое внимание и актив как новизной идеи, так и большими практическими мероприятиями по реставрации памятников и развитию народного искусства, которые брали на себя Центральный совет Общества и государство.

В 1970 г. в Сибири аналогичная конференция прошла по местам памятников, связанных с декабристами.

Объединение активистов в секции Центрального совета позволило провести крупные мероприятия общероссийского значения. В частности, нужно отметить выезд в Новосибирск члена президиума академика И. В. Петрянова-Соколова и его встречу с общественностью, выступления по радио и телевидению. Существенно помогли популяризации работы Общества многочисленные выступления известных писателей, художников и ученых: В. А. Солоухина, И. С. Глазунова в клубе Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию, в Министерстве иностранных дел СССР, Б. А. Рыбакова и других членов Центрального совета в большой аудитории Политехнического музея, предоставленной обществом «Знание».

* * *

Однако самой серьезной и многотрудной оказалась работа актива и архитектурной Комиссии Центрального совета Общества по рассмотрению Генерального плана и застройки центра Москвы. Шесть лет, начиная с 1969 г., работала общественность этой комиссии, привлекая к ее работе крупнейших ученых и специалистов различных областей знания, создавая научно обоснованные рекомендации по сохранению исторического лица центра Москвы. Нужно учесть, что никаких фундаментальных трудов по истории градостроительства Москвы не издавалось до 1970-х гг. и от ученых и членов комиссии требовалось огромное напряжение сил, чтобы в короткие сроки, концентрируя знания, коллегиально выработать принципы и конкретные рекомендации по сохранению исторического ядра города. Это была героическая работа, и на нее никто не жалел ни сил, ни здоровья.

Все эти годы секции архитектуры приходилось преодолевать нигилистические тенденции в отношении к памятникам, от которых все еще не отошли проектировщики институтов «Генплан» и «Моспроект». Так, прежние руководители ГлавАПУ А. Заславский, С. Матвеев, Э. Розенфельд, Д. Чечулин и другие категорически заявляли, что архитектурные памятники, в том числе и крупные ансамбли, особенно культовые, не могут быть градообразующими элементами, формирующими новые ансамбли города. А следовательно, все ансамбли 850-летнего города Москвы обречены играть второстепенную роль, им давалось «право» быть включенными в новые ансамбли, и при этом все делалось, чтобы принизить их градостроительные и художественные качества.

На той же позиции стояли и последующие

руководители ГлавАПУ, например, бывший заместитель начальника ГлавАПУ Г. Макаревич в 1972 г. в «справке»-ответе на предложение академиков Минца, Нечкиной, Дружинина заповедать центр утверждал, что «застройка города в кольце «Б» с его стихийным развитием в период между пожарами и другими бедствиями ... не может быть отнесена к памятникам древнерусского градостроительства ... и в своем аморфном состоянии не имеет исторического основания войти в облик нового коммунистического города».

С таким некомпетентным антиисторическим утверждением не могли согласиться члены комиссии по рассмотрению ПДП центра Москвы (снос высотных доминант — памятников архитектуры по первому генплану уже нанес урон силуэту центра), и в 1969 г. Центральный совет Общества отклонил проект, разработанный в ГлавАПУ, как вредный для охраны памятников и умаляющий значение

Отреставрировано за счет средств Общества в 1982—87 гг.

Горьковская область

*Музей архитектуры и быта народов
Нижегородского Поволжья. Культовое
и гражданское деревянное зодчество
XIX в. Щелоковский хутор. Город
Горький. Дом Н. А. Добролюбова.
Мемориальный музей. Город Горький.
Дом А. Гайдара. Музей-квартира. Город
Арзамас. Усадьба А. А. Пушкина.
С. Львова. Большеболдинский музей-
заповедник А. С. Пушкина.
Дом Невзоровых, где с участием В. И. Ленина
проходило собрание нижегородских
марксистов. Город Горький. Музей.
Дом, в котором в январе 1894 г. выступал
В. И. Ленин. Библиотека им. Короленко.
Город Горький.
Дом Каширина, в котором прошли детские
годы М. Горького. Музей. Город Горький.*

великого древнерусского зодчества, и наносящий ущерб историческому лицу города. Президиум Центрального совета поддержал заключенные комиссии и направил свой отказ в Совет Министров РСФСР.

В 1972, 1973 и 1975 гг. проект центра Москвы, разработанный мастерской № 12 (института «Моспроект») был вновь отклонен. Большую работу в помощь секции при рассмотрении этого проекта застройки центра оказали художники С. Чехов, А. Трофимов и А. Артемьев, составившие наглядную схему предлагаемого ГлавАПУ массового сноса исторической застройки.

Комиссия Центрального совета считала, что застройка Москвы, особенно в кольце «Б», имеет не только архитектурно-градостроительную ценность, но и несет огромную нравственно-патриотическую воспитательную нагрузку, умалять которую, искажая лицо города, недопустимо! Выступления на XXVII съезде КПСС дали принципиальную, политическую оценку «деятелям», нанесшим ущерб центру Москвы.

Следующим шагом, сыгравшим большую роль в сохранении древних городов, была подготовка списка исторических городов. Секции архитектурных и исторических памятников

предложили 200 городов взять под охрану и готовить следующий список. Секции исходили из того, что «запас» памятников культуры, исторической среды крайне ограничен в мире и он истощается быстрым наступлением урбанизации, преобразования уже носят необратимый характер для природы и культуры, если их вовремя не защитить (статья академика Д. С. Лихачева «Экология культуры»).

В 1970 г. по указанию Совета Министров РСФСР Госстрой РСФСР утвердил список 115 исторических городов, куда вошла и Москва. Подготовка второго списка затянулась по вине Министерства культуры и облисполкомов, которые не хотят брать на себя новую «обузу», какой является, по их мнению, исторический город со всеми его художественно-градостроительными достоинствами.

Утверждение списка 115 городов значительно облегчило работу общественности, так как законодательно было признано право приостанавливать осуществление генпланов этих городов, а планы в 60-е гг. были составлены все с тех же жестких позиций массового слома исторической застройки, расширения центральных (как правило, древних) площадей, смещения масштабов и соразмерности, искажения лица городов. В 1970 г. был отклонен проект застройки Томска, где предполагалось, например, снести всю уникальную деревянную узорчатую архитектуру.

Удалось сохранить северную жемчужину — Каргополь в его историческом облике.

В 1970 г. началось планомерное обследование Севера европейской части СССР по программе свода памятников, которое, по рекомендации секции архитектуры, взяло на себя Общество. Эту работу возглавили молодые специалисты секции архитектуры А. Шабельников и М. Кудрявцев вместе с активом Архитектурного института. Тем самым Общество восполнило так недостающие Северу РСФСР кадры специалистов для учета и выявления памятников. К сожалению, к концу 70-х гг. эта работа по Северу начала свертываться, хотя в секции образовался актив из 30 специалистов, в том числе из Карелии, Архангельской и Вологодской областей, московские музыковеды, писатели, приверженные к Северу и много студентов. Были какие-то скрытые пружины торможения. К тому времени руководство Общества стало постепенно отгораживаться от общественности.

Эту же миссию в связи с нехваткой специалистов выполняли студенческие реставрационные отряды, работавшие на крупных ансамблях и в отдельных древних памятниках. Душой и главным консультантом реставрационных отрядов была председатель реставрационной комиссии секции архитектуры Центрального совета кандидат архитектуры Гали Владимировна Алферова, много лет руководившая отрядом на Кий-острове Архангельской области. В то время с ней еще активно работала молодежная секция.

И все же необходимо сказать, что, если бы московские градостроительные проблемы, связанные с защитой центра, не отнимали основное время общественности секции, то успехи по России были бы ощутимее. Только сейчас, когда этим явлением дана политическая оценка, становятся еще более понятны те трудности, которые все же удавалось преодолевать Обществу.

Так напряженно работали секции первые пять лет, являясь основной движущей силой общества, создав большой «задел» на много лет вперед, выработав принципиальные, исторически обоснованные позиции для защиты всех видов памятников, распространив их на самый сложный вид — целые города, природно-архитектурные комплексы: памятные поля сражений, такие, как Куликово поле, и др. Позже эти предложения, выработанные коллективом секций, вошли отдельными статьями в законы об охране памятников.

В эти же годы по рекомендации секций проведены работы по выявлению и реставрации на средства Общества мемориально-литературных усадеб: Хмелиты Грибоедова, Спасское-Лутовиново Тургенева, Новоспасское Глинки, Тарханы Лермонтова, Константиново Есенина и других.

К 70-му г. активно работали отделения Общества, роль общественности в решении судьбы памятников возрастала с каждым годом. И, как видно из решений XXVII съезда КПСС, общественным и творческим организациям впредь будут предоставляться большие права в решении культурных задач.

Демократизация жизни и тем более демократизация общественных организаций, в том числе и Общества охраны памятников, — неотложная задача. Хозяином в решении судьбы памятников должна быть научная и широкая общественность, и ей нужны для этого четкие права.

20 лет, прошедшие после создания добровольного Общества охраны памятников истории и культуры, обязывают нас воздать должное тем небольшим группам первопроходцев, которые стояли на ленинских позициях и прозорливо видели будущее и мужественно добивались в трудной обстановке 60-х гг. права общественности решать судьбу культурного наследия.

Таковы основные истоки общественной инициативы, идущей от нравственного осознания роли памятников Отечества в гуманистическом воспитании народа.

Сегодня общественность очень остро ставит вопрос о возрождении исторической Москвы. Наконец-то все стали понимать, что своеобразие столицы — в ее памятниках, в ее сложившейся среде, в ее природном ландшафте. О том пишут центральные газеты и журналы, идут передачи на радио и по телевидению, говорят на диспутах — в среде архитекторов, художников, писателей. Стоит только прочесть материалы постоянно действующей рубрики в газете «Советская культура» — «О Москве с любовью и надеждой», как станет очевидно: сохранение исторического облика столицы заботит всю страну. И это естественно, ведь Москва — заглавный город государства, святая Отечества. «В разряд политических перешел вопрос о потере своеобразия архитектуры Москвы, особенно ее центра», — прозвучало на XXVII съезде КПСС.

Ныне в порядок дня встают незамедлительные и конкретные действия. Действия, в которых могли бы принять участие не только профессионалы-архитекторы, но и общественность, горячо ратующая за возрождение историко-архитектурного облика столицы.

¹ Из стенограммы Учредительного съезда.